

Его лицо, слегка тронутое сединой, хранило на себе следы прожитых лет. Густые, сросшиеся на переносице брови придавали ему вид человека дерзкого и непокорного. Как только зрители внизу разглядели его черты, на арене воцарилась мертвая тишина.

Кто-то прошептал:

— Разве это не тот самый бывший Глава, которого два года назад одолел Глава Ло?

Услышав это, другой зритель боязливо сжал край своей одежды и, приподнявшись вместе со стулом, попятился назад:

— Чувствую, быть беде. Как же так? Столько лет ничего подобного не случилось.

— Неужели это почтенный Цюй Цзин? Он пришел, чтобы оценить таланты нынешнего молодого поколения? — судья, словно ничего не произошло, задал вопрос с легкой улыбкой.

Затем он бросил взгляд на слугу и недовольно бросил:

— Чего застыл? Чего же ты не проводишь почтенного Цюй Цзина на почетные места?

— Почтенный Цюй Цзин, прошу прощения, эти люди совсем не умеют смотреть по сторонам. Вы подоспели как раз к определению четверки лучших. Раз вы так спешили, то наверняка не успели отдохнуть. Позвольте мне распорядиться, чтобы для вас приготовили лучшие покои с фруктами и закусками. Отдохните, а после полудня я лично позову вас на решающие поединки.

Судья был мастер своего дела: парой фраз он превратил бывшего Главу, пришедшего устроить переполох, в почетного гостя, решившего посмотреть на состязания молодежи.

Увы, у Цюй Цзина не было ни малейшего желания слушать его болтовню. Раздраженно выдохнув, он вышел на арену.

Теперь, глядя на Чжан Юйлиня, он почувствовал еще большее отвращение. Молодой, разодетый в роскошные шелка — сидел бы себе дома богатым сыночком, так нет, приперся на Собрание боевых искусств! Не напрашивается ли он на взбучку?

— Я пришел участвовать в Собрании! А этот, — он указал на противника, — будет первым, кого я здесь повергну!

Сказав это, он нанес удар ладонью прямо в живот Чжан Юйлиня. Мощный поток яростной ци буквально смел того с арены прямо в толпу зевак!

Судья, глядя на Цюй Цзина, который явно пришел сводить счеты, помрачнел. Один из четырех финалистов выбыл, нужно срочно искать замену. А если он сейчас оскорбит бывшего Главу, то

не сносить ему головы.

Вряд ли во всем зале найдется хоть кто-то, способный противостоять этому человеку!

Оставалось лишь переложить эту проблему на плечи Главы Ло. Раз он смог победить его однажды, значит, сможет и во второй раз, правда?

Сглотнув от неуверенности, судья объявил:

— В четверку финалистов вошли Цзян Мо, Юнь Сигуй, Инь Инью и Цюй Цзин. В час козы (одиннадцать часов дня) начнутся полуфинальные поединки.

Кто-то из толпы рискнул подать голос:

— Это не по правилам! Он даже не проходил регистрацию! И что с того, что он бывший Глава?

Судья посмотрел на смельчака как на свинью, готовую к убою, и отрезал:

— У тебя хватит сил одолеть его? Или ты считаешь, что на этой арене есть кто-то, кто справится с почтенным Цюй Цзином?

Лицо дерзкого бедняги мгновенно побелело.

Во все времена опаснее всего — глупые люди. Мало того что сами себя губят, так еще и других подставляют.

Как и ожидалось, после этих слов лицо Цюй Цзина заметно посветлело.

Глава Ло Сугуй был облачен в длинный зеленый халат, украшенный изящным узором плывущих облаков на воротнике и рукавах. Его черные волосы были высоко собраны, а холодный взгляд сканировал арену.

Он сидел на самом удобном месте, попивая чай, приготовленный слугой, и ждал начала.

Судьи всех поколений облачались в алые одежды — это не только выглядело ярко, но и несло в себе двойной смысл. Это был не только цвет приветствия победителей, но и знак того, что за внешним спокойствием скрывается бушующий ураган.

— Глава, уже пробил час козы, — судья почтительно поклонился в его сторону.

— Тогда начинайте.

— Сейчас пройдут поединки. Лишь тот, кто останется в финале, получит право бросить вызов Главе Союза боевых искусств. Выбирайте своих противников.

Цзян Мо посмотрела на трех оставшихся участников и хитро улыбнулась:

— Братья, будьте помягче, Цзян Мо ведь зарабатывает на жизнь только своим лицом. Сигуй, братец, как насчет того, чтобы мы сразились?

Цзян Мо выглядела лет на двадцать пять, была очень миловидной, а ее облегающий наряд лишь подчеркивал пышные формы.

В толпе слышались чьи-то приглушенные глотки:

— Шлюха! Интересно, сколько мужиков через нее прошло! Тьфу, а выглядит так молодо, хотя сама уже старая.

Цзян Мо было уже тридцать шесть.

Ло Сугуй оставался бесстрастным, перебирая нефритовый кулон, снятый с пояса. Его интересовали не их ужимки, а техника противников.

Когда начался бой, взгляд Ло Сугуя стал серьезным.

Движения Цзян Мо были на удивление жестокими. Несмотря на то, что она кокетливо просила о снисхождении, в бою она не оставляла противнику шансов. Каждый ее прием был смертельным, она постоянно норовила ударить в самые уязвимые места.

Ее внутренняя энергия была пугающе сильна. Она практиковала технику, которую презирали все добропорядочные женщины — Сердце Сутры Инь. Этот метод позволял при достижении пика наслаждения постепенно высасывать всю духовную силу противника.

Юнь Сигуй, казалось, не испытывал особых трудностей. Он отражал атаки, и в его движениях чувствовалась легкость, с которой он шаг за шагом теснил Цзян Мо.

Та начала сдавать позиции, но вместо того, чтобы идти в открытую атаку, стала использовать мягкость против твердости, притворяясь, что изнемогает от усталости.

Наконец, выбрав момент, когда Юнь Сигуй расслабился, она нанесла резкий удар в пах.

Удар в слабое место — верный путь к победе!

Юнь Сигуй от боли на мгновение потерял бдительность, и этого хватило. Он проиграл.

Инь Инью и Цюй Цзин тоже сражались яростно. Коронный прием Инь Инью назывался Скрытый дракон, Яростный тигр. Звучало внушительно, да и сила была нешуточной, но почему-то под натиском Цюй Цзина он продержался лишь пятьдесят приемов.

Ло Сугуй смотрел на Цюй Цзина с нечитаемым выражением лица. В этот момент их взгляды встретились, и Ло Сугуй отчетливо увидел торжество в глазах соперника.

Всего за два года он, неизвестно где раздобыв новую технику, поднял свое мастерство на голову выше. Даже если Ло Сугуй выложится полностью, победа не гарантирована. Проклятье!

Сидел бы этот старик в своем Цзяннане, так нет, приперся сюда, мечтая вернуть себе титул Главы.

Цзян Хань уже долгое время вел уединенный образ жизни, посвящая себя чтению и уходу за цветами. К счастью, Сяо Лю и остальные были рядом, так что скучать не приходилось.

Октябрь выдался прохладным. После нескольких дней ясной погоды наконец пошел дождь. Сначала раздался мерный стук капель, который вскоре перерос в сплошной шорох.

Цзян Хань поправил волосы за ушами и медленно подошел, чтобы закрыть окно.

Он ритмично постукивал пальцами по столу, прикидывая время, и спросил Сяо Лю:

— Собрание боевых искусств скоро закончится? Глава Ло скоро вернется?

Сяо Лю слегка кивнул.

Цзян Хань слегка закусил губу и, сделав вид, что его это не особенно волнует, взял чашку с горячей водой и начал понемногу пить.

Сяо Лю немного подумал и все же добавил:

— Господин, не думайте о лишнем. Глава наверняка обрадуется, когда узнает о ребенке. Он ведь раньше, когда видел детей на улице, сам покупал им леденцы.

Цзян Хань, конечно, не об этом беспокоился, но мысли Сяо Лю были вполне естественны. Сяо Лю решил, что Цзян Хань боится, как бы Глава, узнав правду, не рассердился или не причинил вреда ребенку. Ведь в свое время Цзян Хань принимал отвар для предотвращения беременности, и любой на его месте заподозрил бы, что партнер не хочет детей.

От этой мысли Сяо Лю стало еще совестливее. Он знал правду, но молчал, из-за чего господин так нервничал из-за окончания Собрания.

Когда человек чувствует вину, он невольно стремится сделать что-то хорошее.

Цзян Хань не возражал против их домыслов. Чем больше они анализировали ситуацию, тем комфортнее ему жилось: многие вещи они делали сами, даже не дожидаясь его просьб.

Впрочем, ему самому пора было вывести Теневых стражей из тени. Грядущие перемены на Собрании боевых искусств были лучшим моментом для этого.

Глубокая ночь. В комнате не было света, лишь тусклое пламя лампы дарило слабое сияние.

Человек на кровати лежал на боку, одетый в слишком просторную для него нижнюю рубашу. Темно-зеленое одеяло укрывало его, волосы разметались по подушке, а дыхание было глубоким и ровным — со стороны казалось, что он крепко спит.

Сяо У и Сяо Ци, скрывавшиеся в тени, переглянулись и обменялись знаками.

Сяо Ци жестами показал: Я ухожу, ты присмотри за господином Цзян Ханем.

Сяо У ответил: Понял, не беспокойся.

Сяо Ци бесшумно прыгнул на пол. Не успел он сделать и нескольких шагов к двери, как Цзян Хань открыл глаза и громко произнес:

— Кто здесь?

Сяо Лю, дремавший снаружи, вздрогнул, словно его окатили ледяной водой, и вбежал в комнату, столкнувшись нос к носу с Сяо Ци в черном одеянии.

Увидев, кто это, Сяо Лю выдохнул, нахмурившись и всем своим видом показывая, как неосторожно было со стороны Сяо Ци попасться на глаза господину.

Сяо Ци чувствовал себя обиженным: он ведь старался быть тише воды, ниже травы, и самому было неприятно, что его обнаружили.

Сяо Лю, не желая продолжать разговор, указал на потолочную балку, призывая Сяо Ци скорее вернуться обратно, пока Цзян Хань не начал расспросы.

Но не успел он войти во внутреннюю комнату, как увидел, что Цзян Хань, накинув верхнюю одежду, внимательно изучает Сяо Ци, который замер на месте.

— Вы знакомы? — с обескураживающим спокойствием спросил Цзян Хань. — Разве вам нечего мне объяснить?

Сяо Лю поспешно вмешался:

— Это мой младший двоюродный брат. Давно не виделись, вот он и заглянул. Я перепутал адрес, когда писал ему, вот он и подумал, что я живу здесь.

Цзян Хань кивнул, и в его глазах, чистых, как нефрит, заиграла усмешка.

— Сяо Лю, какой брат придет среди глубокой ночи? Ты правда не собираешься мне ничего рассказать? — он повернулся к Сяо Ци и указал на стул. — Присаживайся.

Сяо Ци сел, слегка скованно выпрямив спину.

— Не нервничай так, я не тигр, людей не ем, — мягко сказал Цзян Хань. — На самом деле, я давно чувствовал, что что-то не так. Однажды вечером я зачитался книгой и не заметил, как уснул, а утром проснулся в кровати, укрытый одеялом. Часто возникало ощущение, что в комнате кто-то есть, но никого не находил.

— Можешь сказать, как тебя зовут? Ты знаком с Сяо Лю, тебя прислал Глава Ло? М-м?

Цзян Хань говорил искренне, но вдруг поморщился и потер живот, в его глазах промелькнуло понимание.

— Господин, что случилось? — встревоженно спросил Сяо Лю.

Сяо Ци тоже в растерянности поднял руки:

— Я сейчас же позову врача! Сяо Лю, помоги господину лечь.

Цзян Хань улыбнулся и остановил Сяо Ци, который от волнения начал говорить слишком быстро.

— Все в порядке, ребенок просто пошевелился. Это нормально, значит, он подрос и, видимо, проснулся и хочет поиграть. Сейчас снова пошевелился... Чего вы так на меня смотрите?

— Можно... можно потрогать? — Сяо Лю не удержался, в его глазах светилось изумление и жажда прикоснуться к чуду.

Вынашивание ребенка — само по себе священное и удивительное событие. Нет ничего чудеснее, чем почувствовать, как внутри, за тонкой кожей живота, живет крошечное существо.

Цзян Хань, не говоря ни слова, взял мозолистую руку Сяо Лю и осторожно положил ее на свой живот, напоминающий маленькую дыню.

Сяо Лю удовлетворенно отстранился.

Подумав, что раз уж Сяо Ци раскрыт, то и Сяо У скоро обнаружится, он решил, что лучше пусть они не сидят постоянно под потолком — хоть Теневые стражи и привыкли, но все же это жалко.

Так Цзян Хань узнал имена двух стражей. Сяо Ци и Сяо У. Имена были еще проще, чем у Сяо Лю. Не знал Цзян Хань, стоит ли жалеть их из-за такого пренебрежительного отношения или из-за чего-то еще.

Новости со Собрания боевых искусств разлетелись быстро: бывший Глава стремительно вернулся, нынешний Глава был свергнут.

Все судачили о том, насколько могущественен бывший Глава и как эффектно он вернулся. Сразу после вступления в должность он принялся перекраивать порядки в Союзе. Боевой мир ждали перемены...

А вот куда делся Ло Сугуй — никто не знал. Чу Мо задействовал все свои силы, чтобы найти его, даже вернулся в столицу.

По пути в столицу, слишком торопясь, он не заметил, что кучер проезжающей мимо повозки — Сяо Лю.

Собака по имени Роужоу в повозке почуяла знакомый запах и жалобно заскулила. Цзян Хань приподнял занавеску и увидел лишь удаляющуюся спину.

Он узнал Чу Мо, но не подал виду, молча опустив бамбуковую штору.

Погода резко сменилась на пронизывающе холодную. Снег еще не пошел, но чувствовалось, что он близок. Даже в просторной и толстой одежде Цзян Хань уже не мог скрыть округлившийся живот.

— Говорят, в последний раз Главу Ло видели у Утеса Юньлу. Не знаю, правдивы ли эти слухи, но даже если есть хоть крохотная надежда, я должен поехать. Мой ребенок должен расти с

двумя родителями.

Утес Юньлу находился в глуши, путь был долгим, а горы — опасными. Одно неверное движение — и от тебя не останется даже костей.

Места, заросшие густым лесом, всегда были влажными, а здесь, где летом душно, а зимой лютый холод, это место стало печально известным. Мало кто решался здесь задержаться.

Не то чтобы спуститься было невозможно, просто склон был скользким, высоким и густо заросшим травой — лишь мастера с выдающимися навыками могли рискнуть.

Глядя вниз с обрыва, где царила бездонная тьма, Сяо Лю встревоженно сказал:

— Не спускайтесь. Мы с Сяо У поищем, а Сяо Ци и Биши останутся с вами.

Сяо Лю и остальные, приехавшие сюда лишь из беспокойства за состояние Цзян Ханя, сами не были уверены, жив ли Глава Ло, но безопасность Цзян Ханя была для них превыше всего.

Цзян Хань заранее принял Лекарство для сохранения плода из Системы, поэтому не испытывал особого страха перед Утесом Юньлу.

— Не волнуйтесь, я буду очень осторожен, — Цзян Хань похлопал Сяо Лю по плечу, подбадривая его.

Настроение Сяо Лю, Сяо У и Сяо Ци было крайне сложным.

Привязав Роужоу к спине Сяо Ци, Цзян Хань погладил пса по голове и нежно прошептал:

— Как только доберемся до низа, я тебя отпущу. Потерпи, я дам тебе косточку.

Роужоу был невероятно смышлен, и из всего сказанного остро отреагировал лишь на слово «косточка». Он не стал сопротивляться, смиренно приняв неудобную позу, наслаждаясь лаской и пытаясь лизнуть руку хозяина.

— Сяо Ци, спускайся первым, будь осторожен.

Сяо Ци, мастерски владея телом, начал спуск. Скорость была невысокой, но каждое движение — уверенным.

Сяо Лю полез вторым, постоянно оглядываясь на Цзян Ханя, боясь, как бы тот не оступился.

Цзян Хань, несмотря на тяжесть тела, использовал навыки легкой поступи, и каждый раз,

когда терял равновесие, умело прижимался к скале.

Спуск занял почти час.

Сяо Лю был одет теплее обычного, прихватив с собой лечебные мази и немного сухпайка.

Как только они оказались внизу, Сяо Ци первым делом снял притихшего Роужоу и бережно поставил на землю. Лишь спустя время пес пришел в себя и начал радостно лаять, вспомнив про обещанную косточку.

Он нетерпеливо прыгал на Сяо Ци, требуя обещанного. Когда Сяо Ци нес собаку, он спрятал завернутую косточку у себя под одеждой. Роужоу почуял запах и теперь требовал добычу.

Сдавшись под натиском пса, Сяо Ци достал сверток. Аромат мгновенно заполнил воздух. Роужоу схватил кость и, радостно виляя хвостом, отошел в сторону.

— Господин, вам плохо? — Сяо Лю, увидев, что Цзян Хань твердо стоит на ногах, выдохнул, но тут же обеспокоенно спросил о его самочувствии.

— Чувствую себя неплохо. Пойдемте, нужно найти Главу Ло.

Роужоу, увлеченно грызущий кость, жалобно заскулил, перетаскивая ее на бумагу, чтобы не испачкать, и, потянув Сяо Ци за край одежды, снова заскулил. Сяо Ци понял его без слов, бережно завернул кость и спрятал обратно.

Лес под Утесом Юньлу был густым, поэтому, чтобы не потеряться, они решили не разбредаться.

Под чутким руководством Цзян Ханя, спустя полчаса, они нашли Ло Сугуя, который бесследно исчез.

Ло Сугуй был насквозь промокшим, в руке он сжимал какой-то неопознанный предмет, собираясь его съесть. Конец года выдался холодным, но Ло Сугуй, казалось, ничего не чувствовал. Его тело было покрыто ссадинами и порезами.

Услышав шаги, он настороженно спросил:

— Кто здесь?

Он напряг внутреннюю силу, готовый убить любого, кто сделает хоть движение.

— Глава Ло, это я, Цзян Хань.

Роужоу, почуяв знакомый запах, радостно заскулил и бросился вперед, намереваясь потереться о ноги хозяина. Однако Ло Сугуй, не глядя, схватил пса за пухлую лапу, не подпуская к себе.

Цзян Хань заметил, что глаза Ло Сугуя не светятся привычным холодным блеском — они были темными, подернутыми дымкой, словно у слепого.

— Зачем ты пришел? — Ло Сугуй был явно недоволен.

Ориентируясь по движению воздуха, он точно встал рядом с Цзян Ханем.

— Тебе не тяжело так мучить свой живот? — бросив Роужоу, Ло Сугуй протянул руку и сделал жест в воздухе.

Цзян Хань взял руку Ло Сугуя и положил ее себе на живот, тихо сказав:

— Нет, не тяжело. Ребенок очень спокойный, совсем не доставляет хлопот.

Затем, следуя за движениями малыша, он позволил Ло Сугую впервые почувствовать, как ребенок шевелится внутри.

Рука Ло Сугуя была большой и ледяной.

<http://bllate.org/book/22156/2307883>